А.И. Кривенький

Исторические аспекты зарождения международного частного права (статья III Французская школа XV–XVI вв.)

В данной, третьей по счету, статье по истории зарождения международного частного права рассматриваются учения юристов Французской школы XV–XVI веков. Ш. Дюмулена и д'Аржантрэ. Оба они, как и юристы итальянской школы, предметно занимались дальнейшим развитием теории статутов и внесли свой немалый вклад в изучение коллизионных вопросов и способов их разрешения в судебной практике.

Ключевые слова: статут; лицо; территориальность; экстерриториальность; «автономия воли».

В предыдущих статьях [6: с. 15–21; 7: с. 224–231] говорилось, главным образом, о вкладе в развитие конфликтного (коллизионного права) юристов ***итальянской школы*** (Альберико да Рошате, Чинно да Пистойа, Бартол, Бальд) и некоторых французских юристов, в целом продуктивно трудившихся на ниве исследования коллизионного права (Жак де Ревиньи, Пьер Бальперш, Иоанн Фабер). Эту первую плеяду юристов-ученых и практиков — родоначальников международного частного права — «венчали поднявшиеся над своими современниками и затмившие всех их своей славой итальянские юристы Бартол и его ученик Бальд» [6: с. 17]. Именно постглоссаторам принадлежит наиболее подробное и научно обоснованное учение о статутах, господствовавшее вплоть до середины XIX века и получившее закрепление в законодательстве о международном частном праве. На протяжении XV и XVI веков учение Бартоло и его блестящего комментатора Бальда пользовалось огромным авторитетом в науке о коллизионном праве и судебной практике. В частности, сформулированные Бальдом три коллизионных принципа для разрешения коллизионных вопросов (по закону места нахождения вещи — lex rei sitae, места жительства — lex domisilii и по закону места совершения акта — lex regit actus — для формы юридических актов) сохранили свое значение и успешно применяются в современном международном частном праве.

Однако с течением времени новые исследователи коллизионного права все чаще стали указывать, что статутарии, с завидным старанием бранившие своих предшественников — схоластиков, сами оказались схоластами, так как выводили коллизионные нормы из понятий реальных и личных статутов. На практике, однако, вовсе не так просто определить, каким законом регулируется статус вещи, а каким — статус лица. На эту проблему, вытекающую из невозможности точно установить различия между статутами, обращает внимание В.П. Даневский. Так, на основании личного статута, замечает он, часто решается вопрос о наследовании недвижимого имущества и о дееспособности при заключении договоров, что явно ограничивает «законную волю лица, вступающего в юридические отношения (особенно в обязательственном праве)» [2: с. 18]. Коль скоро личные статуты всегда следуют за индивидуумом, то они могут войти в противоречие с началами государственного порядка, установленного законом в месте жительства лица, а законы данного места должны применяться к вещам, находящимся в нем, так как вещное право затрагивает экономическую основу государства. В таком случае, делает вывод В.П. Даневский, «остается открытым вопрос о применении местных законов к отношениям между вещью и ее собственником» [2: с. 18]. С данным выводом В.П. Даневского солидарен М.И. Брун: «...фиксирование понятий “реальный статут” и “личный статут” представляет неимоверные трудности» [1: с. 52].

Размышляя над этой проблемой, один из самых известных юристов французской школы XVI в. Шарль Дюмулен (Charles Dumolin, 1500–1566 гг.) в своих лекциях в Тюбингенском университете обосновал оригинальное мнение о коллизиях законов. Заметим при этом, что Ш. Дюмулен, с одной стороны, как тонкий аналитик продолжал развивать учение итальянских постглоссаторов, с другой — новые элементы теории статутов. Чтобы понять эту двойственность научной позиции Ш. Дюмулена, следует обратить внимание на его воззрения. Он полагал, что источник власти короля — в законе, кутюмы же, противные естественному праву, подлежат ограничительному толкованию, а в ряде случаев вовсе не подлежат применению [11: p. 205]. Ш. Дюмулен выступал против феодальных повинностей, считая их одиозными, и полагал, что сеньериальные суды допустимы только с дозволения королевской власти [11: p. 205]. Следовательно, Ш. Дюмулен не жаловал феодалов и их юридическую опору — кутюмы — и поддерживал королевскую власть и королевское законодательство. Его заслуга состоит и в том, что он, написав комментарии ко многим законам Бретании, предложил «объединить их в одной кодификации [1: с. 54].

Ш. Дюмулен первым понял и объяснил, что при выборе компетентного закона при обязательстве, вытекающем из договора, не стоит останавливаться всегда только на одной и той же местной коллизионной привязке правоотношения [1: с. 54–55]. Действительно, до него все, включая и Бартоло, утверждали, что при определении сущности договора решающим является закон места его заключения. Подвергнув сомнению данное положение, Ш. Дюмулен указывал, что в таком случае следует различать, о чем, собственно, идет речь: во-первых, «что зависит от воли сторон», во-вторых, «что может быть ими изменено», в-третьих, что зависит от власти закона места заключения

договора. Таким образом, замечает М.И. Брун, учение Ш. Дюмулена «распадается на две части». При этом из первой части вытекает, что зависимость регулирования договора от воли сторон не имеет прямого отношения к теории статутов, «но она чрезвычайно важна для истории всей науки международного частного права» [1: с. 55]. Так впервые в науке международного частного права Ш. Дюмулен «развил и обосновал так называемую теорию автономии сторон при разрешении коллизионных вопросов» [8: с. 37].

Любопытно объяснение этого положения в изложении Ш. Дюмулена. Необходимо обращать внимание прежде всего на те обстоятельства, при которых «воля была изъявлена». И если иметь в виду место заключения договора, то это «только одно из таких обстоятельств». Другим обстоятельством может быть место жительства (домициль) контрагентов — и прежнее, и настоящее, а также иные обстоятельства. «Важно то право, — замечает Ш. Дюмулен, — которое было в мыслях контрагентов, о которых они хотя и не высказались, но которое они, по всей вероятности, имели в виду» [12].

Комментируя этот вывод Ш. Дюмулена, А.Н. Макаров отмечал: «В той части своего учения, которая посвящена выяснению компетентного закона для обсуждения обязательств при договорах, Дюмулен действительно не имеет предшественников, тут он говорит действительно новое слово» [8: с. 37]. Это «новое слово» сводится к следующему: по общему положению, к правовому регулированию договоров стороны обязаны применять право, которое они имели в виду. «Если из самого договора это право обнаруживается недостаточно явственно, — разъясняет данную ситуацию А.Н. Макаров, — необходимо обращать внимание на обстоятельства, при которых воля сторон была изъявлена» [8: с. 37].

Следовательно, принципиально важным является то право, которое было в мыслях контрагентов, т. е. «то право, которое они имели в виду, хотя определенно и не назвали» [8: с. 37]. Это правило сам Ш. Дюмулен поясняет на примере выбора права при заключении предбрачного договора, «который считается заключенным не там, где стороны договорились, а в месте домициля мужа. Спорят о том, как быть, если муж впоследствии переселился с женой в другое место; утверждается, что решает последнее место, то, где супруги жили в момент смерти мужа; но это не только несправедливо, потому что муж мог бы из такого места, где ему в случае бездетной смерти жены ничего не достается, переселиться туда, где ему достанется все приданое, это также неверно, потому что между сторонами существует молчаливый договор, в силу которого муж может рассчитывать только на то, что ему следует по статуту домициля, который предвидели и предполагали стороны» [1: с. 56]. Словом, всегда необходимо справедливым образом «защищать однажды благоприобретенное право». «Все это показывает, — пишет М.И. Брун, — как далеко Ш. Дюмулен ушел от юристов XIV века, которых он упрекал в том, что они судят грубо и без разбора (как он выражался — «рубят с плеча». — *А.К.*) в таких вопросах, которые зависят от воли сторон» [1: с. 56].

Разумеется, свобода договорных отношений и автономии воли в сфере международного оборота и договорного права в пору Ш. Дюмулена лишь зарождались в качестве обязательных категорий международного частного права.

Такими они стали лишь во второй половине XIX века. Именно тогда в международном частном праве договорная свобода и автономия воли сторон постепенно стали выражаться в возможности, во-первых, заключать любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иным правовым актом, во-вторых, определять право, подлежащее применению к нему, в-третьих, самостоятельно определять, какой способ регулирования на соответствующие договорные отношения применить — материальный или коллизионный.

Продолжая изложение учения Ш. Дюмулена, заметим следующее. Если в вопросах, «зависящих от воли сторон, Дюмулен допускает свободный анализ», то «в вопросах, разрешаемых властью закона, этот анализ, по мнению Дюмулена, не может иметь места, а решает всецело вопрос об объекте статута…» [8: с. 37]. Следовательно, в этом случае коллизия решается в прямой зависимости от того, что является объектом статута. Здесь Ш. Дюмулен не идет дальше пользования терминами французского юриста И. Фабера, который делил статуты на реальные и личные, «в зависимости от того, является ли их объектом вещь или лицо» [8: с. 37]. Если статут касается вещи, то всегда будет применяться закон места нахождения вещи. Например, статут указывает: «имущество женщинам не достается» или «женщины не наследуют». В таком случае законом всегда будут регулироваться вещи, находящиеся на его территории, вне зависимости от того, являются ли женщины подданными государства, издавшего закон, или иностранками.

Если статут касается лица, то тогда он не действует в отношении иностранцев, вне зависимости от того, «расширяет ли он дееспособность или ограничивает ее». Так, если в законе установлено, что договор лица, не достигшего 25 лет, не имеет силы без согласия родственников или судебного решения, «то это применимо только к лицам, подвластным юрисдикции статута» [1: с. 57].

И все же для Ш. Дюмулена деление статутов в зависимости от того, является ли их объектом вещь или лицо, имеет, замечает А.Н. Макаров, «лишь частичное значение. Напротив, оно полагается во главу угла учения младшего современника Дюмулена — д'Аржантрэ» [8: с. 38].

Как и многие другие ученые-юристы того времени, д'Аржантрэ (Bertrandus Argentraeus, 1519–1590) сочетал научную работу с практической административной деятельностью в Бретани и даже выступил в качестве автора истории этой провинции. Он также занимался редактированием кутюмов Бретани и написанием обширных комментариев к ним» [10]. В одном из этих комментариев «теория статутов» получила у него «такую законченность и отчетливую формулировку, что за д'Аржантрэ прочно утвердилось звание родоначальника этой теории» [8: с. 38].

Д'Аржантрэ последовательно, с элементами иронии критикует схоластов и формулирует свое учение на основе комментариев кутюмов Бретани [8: с. 38] следующим образом. Существуют два рода законов: реальные, которые имеют «безусловную силу на своей территории и не имеют никакого значения за ее пределами», и личные, которые могут применяться «повсеместно» [1: с. 60]. Следовательно, д'Аржантрэ делит все законы того времени на две группы и ставит вопрос, какие из них относятся к каждой из этих двух групп.

К реальным статутам д'Аржантрэ относит все законы, «мало-мальски затрагивающие недвижимости; к статутам личным — все законы, трактующие о состоянии лица» [8: с. 38]. Обычная практика такова, полагает д'Аржантрэ, что когда речь идет о недвижимой собственности, находящейся в разных местах, и возникает спор о том, по какому закону должно регулироваться приобретение или переход недвижимой собственности, то применяется закон места нахождения этой собственности, ибо никакой закон «не имеет власти, кроме закона территории» [1: с. 58]. Также обстоит дело и при регулировании различных сделок с недвижимостью, так как законы, установленные государствами на определенной территории, «не могут без ущерба для государств отменяться» [1: с. 58].

А как же следует поступать заинтересованным лицам, когда речь идет о праве этих лиц и о движимой собственности? Право лица, а также его способность совершать гражданские сделки с движимой собственностью определяется судьей в месте жительства этого лица и, куда бы это лицо ни переехало, «всюду будет иметь силу то, что постановил судья его домициля» [1: с. 58]. Следовательно, решение суда о праве лица «имеет силу повсеместно» [1: с. 58]. Однако при этом очень важно знать, чего касается закон — вещи или лица, ибо «ложные принципы ведут к еще более ложным выводам» [1: с. 59].

Данный вывод д'Аржантрэ звучит как упрек его предшественникам, которые не учитывали третий вид статутов — смешанных. Они предписывают правила как для вещей, так и для лиц. Когда, например, речь идет о сделках с собственностью, то соображение о лицах отступает назад и предпочтение отдается местному закону о вещах, и наоборот.

Высказав изложенные здесь соображения, д'Аржантрэ поясняет их примерами по всем трем видам статутов. Скажем, «лицо моложе 20 лет признается малолетним»; по закону Бретани совершеннолетие и способность распоряжаться своим имуществом достигается в 20 лет, а по закону Парижа — в 25 лет. Здесь действительно говорится лишь о свойствах лиц. Поэтому, чтобы считать статут личным, он никоим образом не должен касаться вещи [1: с. 59]. Пример реальных статутов: запрещение женам делать завещательные отказы в пользу мужей; запрещение дарений между супругами. Пример смешанных статутов: при разделе имущества принимается во внимание еще и социальное положение делящихся — крестьяне делят имения дворян поровну, а дворяне делят крестьянские имения — поколенно [1: с. 59].

От приведенных примеров д'Аржантрэ снова возвращается к обоснованию своих общих положений, связывая содержание конфликтов с известным материальным содержанием гражданско-правовых норм. Не подлежит сомнению, отмечает он, что для реальных и смешанных статутов местонахождение недвижимой собственности настолько значительно, что «иначе, чем по законам территории, их обсуждать нельзя; эти статуты не выступают за пределы законодателя данного народа и не отступают перед такими же статутами других народов» [1: с. 59]. Иному правилу подчиняются статуты личные. Люди постоянно перемещаются, меняя местожительство, а порою и подданство. Но если лицо оставляет свое местожительство на какое-то время, «не меняя его окончательно,

лицо не освобождается от подчинения законам своего постоянного местожительства» [1: с. 60].

«Всякий реальный статут строго территориален, — точно комментирует эти положения автора А.Н. Макаров, — всякий личный статут действует и за территориальными пределами данного правопорядка» [8: с. 38].

Но для д'Аржантрэ принципиальным является отграничение своего учения от схоластов (постглоссаторов). Поэтому, замечает он, тот, кто в месте своего постоянного местожительства признан банкротом, остается с этим свойством повсеместно. Так рассуждают и схоласты, но я, говорит д'Аржантрэ, в отличие от мнений схоластов, «нахожу, что повсеместное, т. е. вне своей территории, значение личный статут может иметь только тогда, если он определяет личное состояние в целом, например, объявляет лицо банкротом, отлученным от церкви и т. п.» [1: с. 60]. Однако личный статут не имеет такого значения для лица, если он определяет не универсальное состояние личности, а только ограничивает ее способность к совершению отдельных юридических действий, например, «ограничивает ее дееспособность по соображениям, относящимся к землевладению» [1: с. 60]. Следовательно, если законы не определяют правовое состояние личности в целом (universaliter), «то они не личные, и вне своей территории они действия не оказывают» [1: с. 60].

Таким образом, конфликтная (коллизионная. — *А.К.*) теория д'Аржантрэ сводится, пишет А.Н. Макаров, «к размещению материально-правовых норм по категориям, которым присущ и определенный конфликтный эффект. Разложенные по коробочкам по признаку их материального содержания, нормы гражданского права приводятся тем самым и в конфликтный порядок, потому что каждая такая коробочка имеет свою конфликтную этикетку» [8: с. 38]. Итак, д'Аржантрэ, в отличие от осмеянных им постглоссаторов, упрощает задачу конфликтного права, говоря «определите в точности, что составляет объект закона — недвижимость или личность, и вы тем самым определите его эффект — территориальность или экстерриториальность [1: с. 61].

Подведем итоги творчества обозначенных в данной публикации юристов ***Французской школы.*** Судьбы их учений в чем-то сходны, но в главных итогах своей научной деятельности Ш. Дюмулен оказался более удачлив. В учении Ш. Дюмулена было открытие, прославившее его на века. «Наиболее значимым вкладом Дюмулена в науку международного частного права, — совершенно справедливо отмечает в своем очерке по истории международного частного права Г.К. Дмитриева, — стало его учение об автономии воли применительно к договорным обязательствам — lex voluntatis» [3: с. 255]. Г.К. Дмитриева уточняет и существующие разногласия по поводу исторических сроков забвения учения Ш. Дюмулена об «автономии воли»: «…учение Ш. Дюмулена об автономии воли не было воспринято практикой вплоть до второй половины XIX в.» [3: с. 255]. Такое положение, на наш взгляд, стало следствием трех основных причин: во-первых, неразвитости международного экономического порядка, во-вторых, несовершенства положений и институтов науки МЧП и договорного права, в-третьих, незначительным использованием в практике регулирования международных

частноправовых отношений средств негосударственного регулирования и саморегулирования. Даже в современном международном частном праве «осуществление гражданами и юридическими лицами своих прав своей волей и в своем интересе непосредственно связано с преодолением коллизионной проблемы», несмотря на то, что предотвращение различий между разнонациональными правовыми системами «решается сегодня при все более активном участии самих субъектов частного права — участии, которое наиболее широко проявляется в сфере договорных отношений…» [5: с. 56].

Обосновав принцип «автономии воли», Ш. Дюмулен действительно осуществил настоящую революцию в международном частном праве своего времени. В науке это не такое уж редкое явление, когда не только современники, но и последующие поколения исследователей по различным причинам не могут оценить новации и применять их на практике. Так случилось и с законом «автономии воли», занявшим в конечном счете только через три века центральное место во всех национальных системах международного частного права. Что же касается всех остальных принципов (законов) выбора права (коллизионных привязок), то в современном международном частном праве они носят субсидиарный характер и используются только при отсутствии выбора права сторонами, заключившими контракт с наличием иностранного элемента. Эффективность при выборе права привела к широкому использованию закона «автономии воли» и определенной устойчивости его содержания. Но и сегодня данный закон подвергается различной правовой оценке.

Существуют три точки зрения на раскрытие сущности этого института МЧП. Первую из них высказывают ученые в области МЧП, рассматривая волю сторон наряду с другими коллизионными привязками конкретной правовой системы (место заключения договора — lex loci contractus, место исполнения обязательств — lex loci solutionis). Вторую разделяют ученые, полагающие, что автономия воли — производная свободы договора соответствующей системы гражданского права. Третью — ученые, считающие, что автономия воли вообще является не коллизионной привязкой, а своеобразным способом регулирования правовых отношений с иностранным составом, т. е. что этот институт «непосредственно связан с самой природой права как особого общественного явления» [3: с. 144]. Добавим к сказанному: большинство правовых систем стран мира постоянно взаимодействует, поэтому, как отмечает, например, Д. Мосс, «автономию воли следует рассматривать как выражение сущности права» [9: с. 8].

Автономия воли закреплена в национальном законодательстве России (ст. 1210 ГК РФ), в национальных и общих нормативных актах Европейского Союза, в международных конвенциях (Римской 1980 г., п. 1 ст. 3; Гаагской конвенции 1986 г. п. 1. ст. 7; Межамериканской конвенции 1994 г.)

Что касается теории статутов д'Аржантрэ, то самый решительный и последовательный его критик Лене пишет, что «никто во Франции ничего о ней не слыхал» [1: с. 64]. Парадоксально, но Лене действительно оказался прав: в течение всего XVII века и первой четверти XVIII века судебная практика и литература шли во Франции своими путями, нисколько не обращая внимания на теорию,

изложенную на нескольких страницах «Комментария к кутюмам Бретани» [1: с. 64]. Лене подвергает критике сам подход д'Аржантрэ к обоснованию критериев реальных и личных статутов, которые осуществлялись им якобы под влиянием феодальных порядков (в действительности д'Аржантрэ был критиком этих порядков. — *А.К.*) Если допустить, что статуты о личном состоянии имеют экстерриториальное действие, пишет далее Лене, то д'Аржантрэ «впадает в противоречие с самим собою» [1: с. 61]. А.Н. Макаров согласен с Лене в том, что во Франции ни в XVI, ни в XVII вв. «д'Аржантрэ не имел преемников» [7: с. 39], хотя и расходится с ним в обозначении исторических периодов данного явления.

В отношении других положений учения д'Аржантрэ, в частности, основного из них, что все законы следует размещать по двум группам — по своему объекту и своему действию, то и здесь судебная практика XVII–XVIII веков двигалась в направлении, обратном тому, какое вытекало из сформулированного д'Аржантрэ принципа деления статутов. Однако теория д'Аржантрэ о личных и реальных статутах как технический прием для разрешения конфликтов оказалась востребованной, делает вывод М.И. Брун [1: с. 66].

Итак, статутарии Французской школы в своих трудах сформировали «два основных принципа формирования коллизионных норм: территориальности (реальные статуты) и экстерриториальности (персональные статуты) [3: с. 255]. Смешанные же статуты, по их мнению, тяготеют или к первому, или ко второму принципу. Впоследствии данная тема воскресла и стала предметом дальнейшего изучения во французской литературе «только во второй четверти XVIII века в трудах Флорана, Буйе и Бульнуа» [1: с. 66].

Литература

1. *Брун М.И.* Очерки истории конфликтного права. М.: Типография Лесснера и Д. Собко, 1915. 106 с.

2. *Даневский В.П.* Пособие к изучению истории и системы международного права. Вып. 2. Харьков: Тип. А.И. Мамонтова и Ко ,1892. 178 с.

3. *Дмитриева Г.К.* История международного частного права // История юридических наук в России. М.: МГЮА, 2009. 504 с.

4. *Ерпылева Н.Ю.* Международное частное право: учебник. М.: ПРОСПЕКТ, 2005. 559 с.

5. *Звеков В.П.* Международное частное право. 2-е изд. М.: ЮРИСТЪ, 2004. 701 с.

6. *Кривенький А.И.* Исторические аспекты зарождения международного частного права (статья I. XIII–XIV вв.) // Юридическая наука: история и современность. Федеральный научно-практический журнал. 2011. № 1. С. 15–21.

7. *Кривенький А.И.* Исторические аспекты зарождения международного частного права (статья II. XIV в.) // Образование и право. Научно-правовой журнал. 2011. № 9 (25). С. 224–234.

8. *Макаров А.Н.* Основные начала международного частного права. М.: Книгодел, 2009.184 с.

9. *Мосс Д.* Автономия воли в практике международного коммерческого арбитража. М.: ИГиП РАН, 1996. 83 с.

10. *B. d'Argentre.* Commentarii in consuetudines ducatus Britanie. 1621.
11. *Viollet P*. Histoire droit civil francais 2 ed ed. 1893. French: Hachettbnf, 2012. 959 p.
12. Zeitschrift fur International Recht. 1890.

References

1. *Brun M.I.* Ocherki istorii konfliktnogo prava. M.: Tipografiya Lessnera i D. Sobko, 1915. 106 s.
2. *Danevskij V.P.* Posobie k izucheniyu istorii i sistemy' mezhdunarodnogo prava. Vy'p. 2-i. Xar'kov: Tip. A.I. Mamontova i Ko ,1892. 178 s.
3. *Dmitrieva G.K.* Istoriya mezhdunarodnogo chastnogo prava. V kn.: Istoriya yuridicheskix nauk v Rossii. M.: MGYuA, 2009. 504 c.
4. *Erpy'leva N.Yu.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Uchebnik. M.: PROSPEKT, 2005. 559 s.
5. *Zvekov V.P.* Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. 2-e izd. M.: YuRIST', 2004. 701 s.
6. *Kriven'kij A.I.* Istoricheskie aspekty' zarozhdeniya mezhdunarodnogo chastnogo prava (stat'ya I. XIII-XIV vv.) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. Federal'ny'j nauchno-prakticheskij zhurnal. 2011, № 1. S. 15–21.
7. *Kriven'kij A.I.* Istoricheskie aspekty' zarozhdeniya mezhdunarodnogo chastnogo prava (stat'ya II. XIV v.) // Obrazovanie i pravo. Nauchno-pravovoj zhurnal. 2011. № 9 (25). S. 224–234.
8. *Makarov A.N.* Osnovny'e nachala mezhdunarodnogo chastnogo prava. M.: Knigodel, 2009.184 s.
9. *Moss D.* Avtonomiya voli v praktike mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha. M.: IGiP RAN, 1996. 83 s.
10. *B. d'Argentre.* Commentarii in consuetudines ducatus Britanie. 1621.
11. *Viollet P*. Histoire droit civil francais 2 ed ed. 1893. French: Hachettbnf, 2012. 959 p.
12. Zeitschrift fur International Recht. 1890.

A.I. Krivenkiy

Historical Perspectives of the Private International Law Formation (Article III. French School of XV–XVI Centuries)

This article being the third one to concern the history of private international law origin examines the doctrine of Ch. Dumoulin and B. D'Argentré, the jurists of the French school of XV–XVI centuries. They both along with the jurists of Italian school devoted themselves to the development of the theory of statutes and made a significant contribution to analysis of collision issues and their resolution in court practice.

Keywords: statute; person; territoriality; exterritoriality; «autonomy of the will».